

Церемониалы приема японского посольства 1862 г. и их проекты

В. Ю. Климов

Согласно первому проекту церемониала, японское посольство предполагалось встречать на Варшавском вокзале. Также было рассмотрено несколько проектов церемониала приемной аудиенции императором Александром II. По первому проекту предполагалось принять посольство в Царскосельском дворце, по второму – в Петергофском дворце, по третьему – в Тронном зале Зимнего дворца. повелел дать аудиенцию в Зимнем дворце. 15 июня 1862 г. было окончательно решено, что посольство прибудет на российском корабле. Поэтому церемониал въезда был изменен и перенесен с Варшавского вокзала на Английскую набережную. Прощальная аудиенция была проведена в Царскосельском дворце в воскресенье, 2 сентября 1862 г.

Ключевые слова: первое японское посольство, Александр II, встреча посольства на Английской набережной, аудиенция в Тронном зале Зимнего дворца, прощальная аудиенция в Царскосельском дворце.

В России всегда осознавали значимость российско-японских отношений. Незадолго до отправления японского посольства 1862 г. в Европу Иван Федорович Лихачев (1826–1907), доверенное лицо великого князя Константина Николаевича Романова (1827–1892), его адъютант, сообщал ему в докладной записке «О политическом положении России на Дальнем Востоке», что *«Япония призвана играть в будущем перво-степенную роль в политике окружающих ее стран. Необыкновенная выгодность географического положения, богатство страны, счастливые наклонности и способности многочисленного народа – во всем этом представляются прочные залого блестящего будущего. Мы поставлены в непосредственное соседство с этим государством, и вследствие этого необходимо должны принять деятельное участие в его судьбе. К этому побуждает нас даже инстинкт самосохранения»*¹. Такого же мнения придерживались практически все ведущие политики России того времени.

Первые сообщения о намерении военного правительства (бакуфу) направить дипломатические миссии в Америку и Европу российское правительство получило в 1859 г. от консула в Хакодате. Первоначально известие о планах отправить посольство в Европу появилось в депешах И. А. Гошкевича (1815–1875) в виде предполагаемого кругосветного путешествия высокопоставленных чиновников бакуфу. Во главе деле-

гации был «назначен один из так называемых здесь губернаторов для иностранных сношений Мурагаки Авадзи-но камии». Далее консул пишет отправке в кругосветное путешествие Морияма Такитиро (в транскрипции Гошкевича – Такициро) (бывший Эйноске), хорошо известного русским из миссии Путятина. Называлось и предположительное время отправления – весна 1860 г. *«Весною отправятся на американском пароходе в Сан-Франциско, оттуда в Нью-Йорк, затем в Англию, Францию и Россию и предполагают возвратиться по Амуру»*².

В сообщении от 15 марта 1861 г. из Эдо Гошкевич сообщает об официальном намерении бакуфу отправить посольство в столицы европейских стран, с которыми уже были заключены трактаты³. Его целью было добиться отсрочки открытия на семь или хотя бы на пять лет двух портов (Хёго и, предположительно, Ниигата) и двух городов (Эдо и Осака) для посещения и проживания в них иностранцев. Кроме того, миссия должна была провести переговоры с представителями российского правительства в Санкт-Петербурге о разделе о-ва Сахалин по 50° северной широты. Это было первое посольство Японии в Россию, поэтому его визиту придавали большое значение.

Исследование церемониала приема посольства и проекты этого церемониала, хранящиеся в российских архивах (Архив внешней политики Российской империи – АВПРИ, Российский государственный исторический архив – РГИА, Российский государственный архив военно-морского флота России – РГА ВМФ), а также материалы, опубликованные в Японии (дневники и записные книжки участников японского посольства), дают возможность детально реконструировать церемониал приема первого японского посольства. Такая реконструкция позволяет не только лучше понять, как действовал механизм принятия внешнеполитических решений в России, но и судить о российско-японских отношениях того времени.

Первоначально российское правительство предполагало, что японское посольство прибудет в столицу Российской империи поездом на Варшавский вокзал. В начале июня был рассмотрен проект церемониала въезда в Санкт-Петербург. Было предусмотрено, что в день предполагаемого приезда посольства Сергей Сергеевич Шереметев (1821–1884), назначенный его предводителем, вместе с церемониймейстерскими помощниками и чиновниками Азиатского департамента Министерства иностранных дел отправятся на станцию Гатчина для встречи делегации. Далее они вместе с японцами должны были проследовать до С.-Петербургской станции Варшавской железной дороги.

Предполагалось, что для отдания чести будет поставлена рота (первоначально речь о батальоне) *«со знаменем и музыкой»*⁴. На станции

¹ РГА ВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 179. Лл. 1–1 об. Цитируемый текст документов выделен в статье курсивом.

² АВПРИ. СПб. ГА IV-2. Ф. 161, 1856–1865. Оп. 119. Д. 5. Лл. 59–59 об.

³ Там же. Лл. 97–97 об.

⁴ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Л. 17 об.

также должны были ждать эскадрон кавалерии и жандармская команда для сопровождения посольства до Запасного дворца на берегу Невы, отведенного для проживания членов делегации. Заблаговременно подавались придворные кареты для посланников и свиты, экипажи для служителей и фургоны для перевозки багажа. На перроне Варшавского вокзала посольство должны были встречать обер-полицмейстер, плац-майор, адъютант военного генерал-губернатора, чиновники от Министерства иностранных дел и представители Общества железных дорог. Для краткого отдыха посланников со свитой намеревались пригласить в комнаты отдыха. Если посольство прибыло бы обычным пассажирским поездом, то ему были бы отведены на вокзале комнаты Императорской фамилии...

После отдыха кареты отправились бы в следующем порядке. В голове колонны находились бы полицмейстер с ординарцами верхом, далее шестнадцать жандармов, по восемь с каждой стороны во главе с обер-офицером, «дабы не было препятствий к проезду»⁵. Далее – старший полицмейстер и плац-майор с адъютантом и ординарцами верхом. За ними должен был следовать кавалерийский взвод с офицерами. Первая четырехместная карета, запряженная в четыре лошади, отводилась для церемониймейстерских помощников Голубцова и Абазы, а также чиновника Азиатского департамента господина Яматова и младшего доктора Кавасаки До:мин⁶ 川崎道民 (1831–1881). Фамилия Яматова (大和夫, он же Татибана Ко:сай 橘耕斎, он же после возвращения в Японию в 1874 г. Масуда Ко:сай 増田甲斎, 1820–1885), написанная тушью, была позже почему-то вычеркнута карандашом. После шестой четырехместной кареты, запряженной в четыре лошади, которая предназначалась для старшего офицера Хидака Кэйдзабуро: 日高圭三郎 и прокурора Сибата Садатаро: 柴田貞太郎 (1823–1877, он известен также под именем Такэнака 剛中) и двух чиновников Азиатского департамента – надворного советника Иессена и статского советника Татарина, следовал бы кавалерийский взвод с офицером. Седьмая, предпоследняя карета, запряженная в шесть лошадей, предназначалась для двух «младших посланников» Кё:гоку Ното-но ками Такааки 京極能登守高朗 (1798–1874) и Мацудайра Ивами-но ками Ясухидэ 松平石見守康英 (1830–1904), а также для действительного статского советника Кудрявцева. По бокам кареты должны были ехать придворные конюхи и два конюшенных офицера верхом. В восьмой, последней четырехместной карете, запряженной в шесть лошадей, ехали бы старший японский посланник Такэути Симоцукэ-но ками Ясунори 竹内下野守保徳 (1807–1867) и предводитель посольства церемониймейстер Сергей Сергеевич Шереметев⁷. Возле кареты должны

были следовать командир кавалерийского эскадрона и по бокам придворные конюхи и два конюшенных офицера верхом. Двум кавалерийским взводам полагалось замыкать поезд.

Маршрут следования был таким: от С.-Петербургской станции Варшавской железной дороги по Вознесенскому проспекту, Большой Морской улице, Дворцовой площади мимо Зимнего дворца, по Дворцовой набережной к Запасному дворцу. Часовым и караулам на гауптвахтах был отдан приказ отдавать честь при проезде посольства.

На рассмотрение императору были представлены несколько проектов церемониала приемной аудиенции. Первым по списку значился вариант приема в Царскосельском дворце. Граф Шереметев, предводитель японского посольства, в сопровождении помощников и переводчиков Азиатского департамента должен был отправиться в назначенный день в Запасной дворец для приглашения посланников и их свиты. Затем ехать на станцию Царскосельской железной дороги и оттуда особым поездом отправиться в Царское Село. Чины от дворцового правления встречали бы посольство на станции. После непродолжительного отдыха в комнатах вокзала Царского Села посланников предполагалось рассадить в придворные кареты с лакеями, остальных членов посольства – в экипажи, а вещи отправить в фургонах. В первой карете поехали бы церемониймейстерские помощники и переводчики Азиатского департамента, а в последней – первый посланник. Всего под посольство предполагалось подать восемь карет.

Во дворце по повелению Государя обер-церемониймейстер и предводитель посольства ввели бы посланников вместе с переводчиками Министерства иностранных дел в залу, отведенную для аудиенции. Поскольку этот вариант был отклонен, то он не был детально прописан. В частности, не указывалось, в каком конкретно зале будут принимать посольство, кто из придворных будет находиться рядом с особой императора. Однако оговаривалось, что в конце аудиенции прочие члены посольства вводились бы в залу, и их представлял бы императору старший посланник. После этого делегация вернулась бы в залу, которая была бы им отведена. Оттуда их провели бы на аудиенцию у Государыни Императрицы «по принятию повеления Ея Величества»⁸. В той же последовательности предполагалось провести аудиенцию на половине «Государя Наследника Цесаревича, где встречены будут лицами, состоящими при Его Императорском Высочестве»⁹. «По окончании аудиенции

цудан Росиа хо:монки 2. Нихон сисэцудан, Росиа-ни то:тяку (文久遣欧使節団ロシア訪問記 2 / 日本使節団、ロシアに到着 = Хроники визита посольства годов Бункю: в Россию 2. Японское посольство, прибытие в Россию) // Мита хё:рон 三田評論. Токио, 2005.3. № 1077. С. 53. Фукудзава Юкити в «Записной книжке путешествия на Запад» (西航海手帳) сделал запись: «Sergei Sergeiwitch Scheremetieff Maetre de Ceremonie». Не исключено, что Фукудзава просто переписал визитку графа.

⁸ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Лл. 25–25 об.

⁹ Там же. Л. 26.

⁵ Там же. Л. 18 об.

⁶ Двоеточием передается долгота звука в японских словах.

⁷ А. Накорчевский ошибочно пишет о том, что Шереметев был князем, на самом деле он был графом. – Александр Накорчевский アンドレイ・ナコルチェフスキー. Бункю: кэнью: сисэ-

Посольство возвратится по залам Дворца в отведенные для него комнаты. Все внутренние караулы во Дворце и часовые при дверях будут отдавать Посланникам воинские почести. В комнатах Дворца, где Посланники проходить будут, обе половины дверей будут им растворяемы. По возвращении Посольства в комнаты предложен будет завтрак и потом катание по парку, в колясках и линейках. Все участвующие в церемонии должны быть в праздничной форме»¹⁰.

Кроме того, был также разработан проект церемониала приемной аудиенции японского посольства в Петергофском дворце. Предполагалось, что посланники и их свита приезжают особым поездом в Петергоф из Петербурга со станции Петергофской железной дороги. После краткого отдыха в комнатах вокзала, как и по царскосельскому варианту, посланники отправились бы в Английский дворец в придворных каретах с лакеями, свита – на экипажах, а вещи отвезли бы на фургонах. Для подготовки помещения для посольства в Петергоф накануне должны были отправить одного из церемониймейстерских помощников. По прибытии посольства в Английский дворец им были бы предложены чай и кофе. Было запланировано, что после этого нанес бы им визит управляющий Петергофским дворцом. Ко времени аудиенции посланники со свитой отправились бы к Петергофскому дворцу в том же порядке, какой был предусмотрен в проекте церемониала аудиенции в Царском Селе. В той же последовательности и с тем же этикетом предполагалось дать аудиенцию у императора, императрицы и цесаревича. Все лица, участвующие в церемонии, должны были бы быть в праздничной форме. Намечалось, что во время аудиенции японского посольства у государя должны были бы находиться товарищи министра иностранных дел (для принятия *«писма Императора Японского»*), директор Азиатского департамента и другие официальные лица.

При прохождении посольства по внутренним залам Большого Петергофского дворца всем внутренним караулам предписывалось отдавать честь посланникам, а обе половины дверей комнат должны были растворяться. По окончании аудиенции посольство вернулось бы на тех же придворных каретах в Английский дворец, где членам делегации был бы предложен завтрак, а потом предусматривалось катание по парку в колясках и линейках. После этого посланников и их свиту ждал обед в Английском дворце.

2 июня 1862 г.¹¹ граф Адлерберг Владимир Федорович (1790–1884), министр Императорского двора, синими чернилами трудночитаемым почерком написал, что император высочайше утвердил церемониал

японскому посольству в Зимнем дворце¹². В докладной записке спрашивалось, «где угодно будет Государю Императору принять Японское Посольство:

а) в Зимнем дворце, в Тронном зале, вместе с Государынею Императрицею и Государем Наследником Цесаревичем.

Примечание. Таким образом Японское Посольство было принято в Париже.

б) в Царскосельском Дворце,

в) в Петергофе.

На все три случая прилагаются проекты церемониала»¹³.

Граф Адлерберг на полях синими чернилами сделал приписку: «В Зимнем дворце». В конце докладной он дописал, что «аудиенция будет в Тронном Зале Зимнего Дворца...»¹⁴.

При выборе места аудиенции принимали во внимание, каким образом и в каких залах принимали японское посольство при дворах европейских держав. Барон Бруннов Филипп Иванович (1797–1875), посол России в Лондоне, извещал, что «никто из представителей Японии не имеет титула княжеского, ни даже звания Посла. По старшинству лиц дипломатического корпуса в Лондоне, они займут местоположение Посланника, который последний прибыл в Лондон»¹⁵. При этом не упоминается, что руководители делегации имеют титул «ками 守». Не исключено, что трудно было соотнести в то время японские звания и титулы с европейскими.

К моменту прибытия второго посольства во главе с Коидэ Ямато-но ками (小出大和守, также известен как Коидэ Хидэдзанэ 小出秀座実, 1834?–1869) и Исигава Суруга-но ками (石川駿河守, также известен как Исигава Токимаса 石川利政, ? – 1868) в 1867 г. российское общество уже лучше стало разбираться в японской титулатуре. Так, 22 марта (3 апреля по григорианскому календарю) «Кронштадтский вестник» за № 35 сообщал: «Оба посланника, первый и второй, имеют в Японии звания, равняющиеся генерал-лейтенанту, и титул ками, т. е. граф».

К моменту прибытия первого посольства газета «Санкт-Петербургские ведомости» от 9 мая 1862 г. за № 99 сообщила, что японское население разделяется на десять классов, и их различия легче всего проследить по головным уборам: у первого класса верх головного убора белый, а низ золотой, у второго верх – белый, низ серебряный, у третьего верх – черный, низ золотой и т. д. И далее: «Из членов японского посольства трое первых принадлежат к первому классу, а четвертый ко второму. Вот подробности о них. Такенго-Учи-Модзуки-Ноками

¹⁰ Там же. Лл. 26 об.–27.

¹¹ Даты указаны по юлианскому календарю так, как написаны в документах, хранящихся в российских архивах. В случае использования григорианского календарю это особо оговаривается.

¹² РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Л. 36.

¹³ Там же. Л. 16.

¹⁴ Там же. Л. 16.

¹⁵ Там же. Л. 10.

(Такэути Симоцукэ-но Kami. – В. К.) – управляющий иностранными делами и финансами; ему 53 года. Мацдаира-Ивамино-Ками (Мацудайра Ивами-но Kami), также служащий по иностранным делам – военный и гражданский губернатор Ганакавы (Канагава. – В. К.); ему 33 года, и он чрезвычайно богат. Третий посол – контролер полиции, а четвертый – чиновник первого разряда в управлении иностранными делами. Одному из них 34 года, а другому 40 лет». Однако, несмотря на то что в Англии делегация не получила аудиенции на самом высоком уровне (ее принял министр иностранных дел лорд Рассел), российский император Александр II, видимо, взял за образец аудиенцию, данную японскому посольству Наполеоном III, и остановил свой выбор на Тронном зале Зимнего дворца. В частности, «...из ноты Посла в Париже Графа Киселева видно, что Японскому посольству Французское Правительство имело в виду произвести приятное впечатление на представителей Империи, которая впервые заключает дружеские отношения с Францией. На сем основании представляемый проект заключает в себе церемониал, принятый при Императорском Дворе для Послов Азиатских Держав.

Примечание. Не признается ли нужным отправить чиновника Министерства Иностранных Дел, знающего Русский и Японский языки, на Прусскую границу, для встречи и сопровождения Посольства?»¹⁶.

Пожелание отправить чиновника признали целесообразным. Поэтому в Германию для встречи и сопровождения японских гостей были отправлены от Азиатского департамента барон Федор Романович Остен-Сакен (1832–1916), а от военно-морского ведомства капитан-лейтенант Василий Васильевич Можайский (1828–1868), двоюродный брат изобретателя самолета, участника посольства Путятина, Александра Федоровича Можайского (1825–1890), поскольку, в конце концов, миссия прибыла в столицу Российской империи морем на пароходе-фрегате «Смелый», а не на поезде. Остен-Сакен был образованнейшим чиновником и говорил по-японски на бытовом уровне. Не исключено, что и Василий Васильевич немного понимал разговорную речь. По этой причине, вероятно, Фукудзава Юкити 福沢諭吉 (1834–1901) в «Записной книжке путешествия на Запад» (西航手帳) записал в 7-й день 7-й луны 2-го года эры Бункю: (2 августа 1862 г. по григорианскому календарю) их фамилии «*Le Baron Frederic d'Osten Sacken, Adjutant Capitaine Lieutenant Basile Majaiskij*»¹⁷, выделив их среди остальных членов эки-

пажа. В «Дневнике путешествия в Европу» (欧行日記) Футибэ Токудзо: 淵辺徳蔵 сделал запись от 10-го дня 7-й луны (5 августа – по григорианскому календарю): очень удобно, что среди офицеров экипажа русского корабля двое могут объясняться по-японски, они были несколько лет тому назад в Нагасаки и Симода¹⁸. Речь, вероятно, шла о Можайском и Остен-Сакене.

Российским правительством также был определен список чиновников от Министерства иностранных дел, которые должны были постоянно состоять при делегации в Санкт-Петербурге: статский советник Татаринов, надворный советник Иессен, «губернский секретарь Яматов (японец)¹⁹... Титулярный Советник Махов, недавно прибывший из Японии»²⁰.

Граф Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872) сообщал в депеше на французском языке князю Горчакову, министру иностранных дел Российской империи, что французский император с большими почестями принял во дворце японское посольство. На этом приеме присутствовал весь цвет французской аристократии. Японский посол произнес речь на японском языке, а Тати Козак (Тати Косаку 立広作) перевел ее на французский. Наполеон III произнес ответную речь, выразив благодарность за визит и наилучшие пожелания. После окончания аудиенции японское посольство на тех же придворных каретах, на которых их доставили во дворец, вернулось в гостиницу «Лувр»²¹.

Российское правительство приняло решение принять японских гостей на том же уровне, что и в Париже. Поэтому император распорядился приемную аудиенцию провести в Тронном зале Зимнего дворца.

10 июня 1862 г. граф Адлерберг на церемониале въезда делегации в Петербург на Варшавский вокзал наносит резолюцию: «Высочайше утверждено, но с тем, что если Посольство прибудет морем (что в скором времени имеет быть доложено), то церемониал в чем следует, согласно сему изменить»²². 15 июня 1862 г. из Царского Села 2-е отделение канцелярии Министерства императорского двора отправило письменное распоряжение исполняющему должность обер-церемониймейстера, церемониймейстеру, действительному статскому советнику графу Александру

¹⁶ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Л. 10 об.

¹⁷ Фукудзава Юкити 福沢諭吉. Сайко: тэтё: (西航手帳 = Записная книжка путешествия на Запад) // Фукудзава Юкити дзэнсю: (福沢諭吉全集 = Полное собрание сочинений Фукудзава Юкити). Т. 19. Токио, 1968. С. 108. В имени Можайского Фукудзава сделал характерную для японцев ошибку, не различив звук *в*, приняв его за *б* (вместо *Vasile* записал в записную книжку *Basile*).

¹⁸ Футибэ Токудзо: 淵辺徳蔵. Око: никки (欧行日記 = Дневник путешествия по Европе) // Кэнгай сисэцу никки санго: (遣外使節日記纂輯 = Собрание дневников [участников] посольств, посылаемых за границу). Дайсан (第三 = Т. 3). Токио, 1930. С. 89. Футибэ Токудзо: ошибся, приняв Василия Васильевича Можайского за Александра Федоровича Можайского. Подробнее об этом см.: Климов В. Ю. Александр Федорович и Василий Васильевич Можайские и Япония // Елагинские чтения. Вып. 5. РГА ВМФ. СПб.: ООО ИТД «ОСТРОВ», 2011. С. 109–121.

¹⁹ Ксатати, фамилия Яматов 大和夫 образована от древнего названия страны – Ямато, т. е. сама фамилия говорила о том, что ее владелец является японцем.

²⁰ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Л. 5.

²¹ Там же. Лл. 11–12 об.

²² Там же. Л. 43.

Ивановичу Рибопьеру (1781–1865). В нем сообщалось, что «Государь Император окончательно разрешить изволил, чтобы Японское Посольство было привезено сюда морем на казенном пароходе; вследствие сего покорнейше прошу Ваше Сиятельство переделать ныне же, согласно сему, Церемониал приезда означенного Посольства в Столицу и прислать в таковой, для поднесения на Высочайшее утверждение. А как вместе с тем Его Императорское Величество разрешить изволил, чтобы, или на балконе занимаемого Посольством Дома, или пред оным, на судне, которое для того назначено будет, развивался японский флаг, то я покорнейше прошу Ваше Сиятельство, войти немедленно в сношение с Г. Управляющим Морским Министерством, о доставлении Вам такового флага, за который будет Морскому Министерству заплачено»²³. Распоряжение было подписано графом Адлербергом, министром императорского двора.

19 июня граф Рибопьер обратился в Морское министерство с просьбой изготовить японский флаг и доставить его к нему. Кораблестроительный департамент министерства 30 июня письменно уведомил экспедицию церемониальных дел министерства императорского двора о том, что изготовлено два японских флага (большой и малый) на общую стоимость 17 рублей 34 ½ копеек серебром. Изготовление большого флага обошлось в 9 руб. 22 ½ коп., а малого – 8 руб. 12 коп.²⁴ В связи с вывешиванием флага представляется любопытным сообщение газеты «Голос» от 22 января 1867 г. о втором японском посольстве, которое остановилось в гостинице «Grand-Hotel» *«и на балконе которого развивается огромный японский флаг, белый с красным кругом в середине. Этот флаг составляет сделанное в пользу посольства исключение из общего правила, по которому иностранные посольства в Петербурге лишены присвоенного им в других столицах права водружать флаг своей нации над занимаемыми ими помещениями. Японцы почему-то особенно дорожат этим правом и так настойчиво просят о его сохранении, что им не нашли возможным отказать в нем. Во время прибытия к нам первого японского посольства происходила та же самая история с флагом; но тогда японцы помещались в запасном дворце, и водрузить на нем иноземный флаг не было никакой возможности. Чтобы успокоить посланников прибегли к следующему средству: на Неве, перед их помещением, были расположены две небольшие яхточки, и на их мачтах поднят японский флаг. Этот компромисс совершенно удовлетворил посольство»*.

На докладной записке от 12 июля на имя Адлерберга стоит его резолюция: перевести на французский язык и напечатать церемониал приемной аудиенции посольству в Зимнем дворце, когда будет известна

точная дата прибытия делегации и дата аудиенции. Также им было отдано распоряжение, что для поднесения императорской фамилии экземпляров церемониала они должны быть переплетены, что редакторы журналов вольны сами определить напечатать целиком или извлечениями высочайше утвержденные церемониалы въезда в С.-Петербург и приемной аудиенции японского посольства»²⁵.

18 июля министр императорского двора отдал распоряжение И. А. Рибопьеру о немедленном напечатании церемониалов приемной аудиенции посольству в связи с тем, что ожидали его прибытия 28 июля. Уже 19 июля граф Рибопьер сообщал: *«Имею честь представить при сем Вашему сиятельству пять экземпляров Высочайше утвержденного церемониала въезда в Санкт-Петербург Японского Посольства»*²⁶. Отпечатанный церемониал был разослан всем государственным служащим, имеющим отношение к приему посольства, в том числе его получили чиновники Азиатского департамента статский советник Татаринов, надворный советник Иессен, губернский секретарь Яматов²⁷.

В Высочайше утвержденном церемониале въезда в С.-Петербург делегации предписывалось Шереметеву, предводителю посольства, в сопровождении церемониймейстерских помощников и чиновников Азиатского департамента отбыть в Кронштадт для встречи и сопровождения посольства в столицу на придворном пароходе, на котором будет предложено японцам угощение. До прибытия посланников вещи и прислугу предполагалось доставить другим судном.

Для отдания чести на Английской набережной у пристани ждала *«рота пехоты со знаменем и музыкой»*²⁸. Заблаговременно поданы были придворные кареты с лакеями для посланников и свиты, экипажи для служителей посольства и фургоны для багажа. На пристани делегацию встречали обер-полицмейстер, плац-майор, адъютант военного генерал-губернатора, чиновники Министерства иностранных дел и морского ведомства.

После того, как гости столицы заняли свои места в каретах и экипажах, кортеж тронулся в следующем порядке. Колонну возглавлял полицмейстер с ординарцами верхом. Далее «дабы не было препятствий к проезду» следовали по обеим сторонам кортежа 16 жандармов, по восемь с каждой стороны. За ними верхом ехали старший полицмейстер и плац-майор с адъютантами и ординарцами. Далее – кавалерийский взвод с офицером.

Все кареты для свиты были четырехместные, запряженные в четыре лошади. В первой должны были ехать два церемониймейстерских по-

²³ Там же. Лл. 59–59 об.

²⁴ Там же. Лл. 61–62.

²⁵ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Лл. 67–67 об.

²⁶ Там же. Лл. 73.

²⁷ Там же. Лл. 77 об.

²⁸ РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 378. Лл. 3.

мощника – Абаза и Голубцов, чиновник Азиатского департамента Яматов и младший доктор Кавасаки До:мин. Во второй карете – «два письмо-водителя» Мидзукури Сю:хэй 箕作秋坪 (1826–1886) и Мацуки Ко:ан 松木弘安 и два переводчика О:та Гэндзабуро: 太田源三郎 (известен также под именем Сукэмаса 資政) (1835–1895) и Фукудзава Юкити 福沢諭吉. В третьей – два переводчика Тати Ко:саку 立広作 и Фукути Гэньитиро: 福地源一郎 и два младших офицера Ямада Хатио: 山田八郎 и Такамацу Хикосабуро: 高松彦三郎. В четвертой – четыре младших офицера Сайто: Дайносин 斎藤 (1822–1871), Мори Хатитаро: 森鉢太郎, Уэда Ю:сукэ 上田友助 и Масидзу Сюдзиро: 益頭駿次郎 (1820/29?–1900). В пятой – старший доктор Такасима Ю:кэй 高島祐啓 (1832–1881) и три старших офицера Окадзаки То:дзаэмон 岡崎藤左衛門, Мидзусина Ракуторо: 水品楽太郎 и Фукуда Сакутаро: 福田作太郎. В шестой карете – старший офицер Хидака Кэйдзабуро: 日高圭三郎, прокурор Сибата Садатаро: 柴田貞太郎 и два чиновника Азиатского департамента, надворный советник Иессен и статский советник Татаринов. Далее, отделяя посланников от свиты, следовал кавалерийский взвод с офицером. Кареты, предназначавшиеся для руководителей делегации, были четырехместные, запряженные шестью лошадьми. Седьмая карета подавалась для двух младших посланников, Кё:гоку Ното-но ками 京極能登守 и Мацудайра Ивами-но ками 松平石見守, и действительного статского советника, представителя Министерства императорского двора, Кудрявцева. По бокам кареты должны были ехать верхом придворные конюхи и два конюшенных офицера. В последней, восьмой карете были старший посланник Такэноути Симоцукэ-но ками 竹内下野守, а напротив него предводитель посольства Шереметев. Возле кареты верхом ехали командир кавалерийского эскадрона, по бокам придворные конюхи и два конюшенных офицера. Кorteж замыкали два кавалерийских взвода с офицерами²⁹. «Кроме того, впереди означенных карет ехали в коляске два японских офицера с ящиками, в которых заключались грамоты и казна»³⁰.

Маршрут следования кортежа пролегал от пристани на Английской набережной по Исаакиевской и Адмиралтейской площадям, далее – по Дворцовой набережной к Запасному дворцу. При проезде посланников часовые и караулы на гауптвахтах отдавали честь. У Запасного дворца ждал почетный караул «из одной роты пехоты со знаменем и музыкою»³¹.

²⁹ РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 378. Лл. 3–3 об., 14–17. А. Р. Соколов приводит тот же церемониал со ссылкой на РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Лл. 99 – Соколов А.Р. О приезде в Санкт-Петербург японского посольства в 1862 г. // Нитиро канкэй сирё:о мэгуру кокусай кэнкю:кай 2006. (日露関係史料をめぐる国際研究集会 2006 = Международная конференция по архивным материалам, имеющим отношение к российско-японским связям. 2006 г.). Токио, 2006. С. 49–50.

³⁰ РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 378. Лл. 16 об.

³¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 327. Лл. 3 об.

У подъезда на все время пребывания посольства постоянно находились два часовых.

В подъезде и на лестнице встречали японцев несколько чиновников Министерства иностранных дел, а в парадных комнатах – С.-Петербургский комендант. По истечении некоторого времени посланникам нанес визит военный генерал-губернатор. После этого их посетили представители вице-канцлера Горчакова и министра императорского двора графа Адлерберга с поздравлением благополучного прибытия и назначении встречи с ними у министров. Кроме того, в день приезда посланникам сделали визиты товарищ министра иностранных дел и обер-церемониймейстер³².

Если мы сравним этот церемониал въезда посольства в С.-Петербург с его проектом, в котором говорилось о возможном прибытии делегации на Варшавский вокзал, то увидим практически полное сходство. Отличия же заключались в следующем:

1. Барон Остен-Сакен от Министерства иностранных дел и Можайский от Военно-морского ведомства встречали делегацию не на прусской границе, а в самой Германии, потому что прибыли туда кораблем.

2. Шереметев встречал посольство не на станции Гатчина и не сопровождал его до Варшавского вокзала, а встречал делегацию в Кронштадте и сопровождал ее на пароходе «Стрельна» до пристани на Английской набережной.

3. В первоначальном варианте церемониала среди встречающих лиц на вокзале должны были быть «представители Общества железных дорог». Вместо них на причале находились «чины Морского ведомства».

4. По прибытии поезда на Варшавский вокзал предусматривался кратковременный отдых в залах ожидания, но на пристани его не было.

5. Маршрут следования кортежа, естественно, был другим.

Рассадка по каретам была одной и той же, как и в случае предполагаемой встречи на Варшавском вокзале. Однако есть основания считать, что церемониал встречи на набережной Невы был изменен посадке японских гостей по каретам. Если мы внимательно просмотрим фамилии членов свиты посланников, то обнаружим, что нет двух фамилий двух человек: Морияма Такитиро: 森山多吉郎 и Футибэ Токудзо: 淵辺徳蔵, которые присоединились к посольству в Англии. Скорее всего, при подготовке церемониала долгое время исходили из списка, полученного от консула Гошкевича, в котором упомянутые два чиновника, естественно, не значились, поскольку отправились позже вместе с генеральным консулом Великобритании Олкоком.

Однако в газете «Journal de St.-Petersburg» № 168 от 27 июля (8 августа) 1862 г. на первой странице в колонке «PARTIE OFFICIELE» с пометкой, что информация принята 26 июля, приводился церемониал

³² Там же, л. 4.

встречи посольства на набережной Невы. В частности, редакция сообщала читателям, что в первой четырехместной карете, запряженной четырьмя лошадьми, сядут г-н Абаза, церемониймейстерский помощник, Мацуки Ко:ан, переводчик посольства, Такасида Ю:кэй и Кавасаки До:мин, медики. Ничего не сообщалось о Яматове, переводчике Азиатского департамента. Также не сообщалась коляска для личного багажа посольства, которая должна была ехать перед каретами. Вторая карета предназначалась для Тати Ко:саку, О:та Гэндзабуро:, Фукудзава Юкити и Мицукури Сю:хэй. В третьей карете должны были ехать Сайто: Дайносин, Такамацу Хикосабуро:, Ямада Хатино: и переводчик Фукути Гэнъитиро:. Четвертая карета предназначалась для Масидзу Сюндзиро:, Уэда Ю:сукэ, Футинобэ Токудзо: и Мори Хатитаро:. Пятая карета – для Хидака Кэйдзабуро:, Фукуда Сакутаро:, Мидзусина Ракутаро: и Окадзаки То:дзаэмон. Шестая – для Сибата Садатаро:, первого секретаря Морияма Такитиро: и двух чиновников от Азиатского департамента гг. Иессена и барона Остен-Сакена. Седьмая четырехместная карета, но запряжена в нее шесть лошадей – для второго посла Мацудайра Ивамино ками, прокурора Кё:гоку Ното-но ками, а также государственного советника Татаринова. Восьмая (шесть лошадей, четыре места – для первого посла Такэноути Симоцукэ-но ками и предводителя посольства Шереметева³³). Из сообщения газеты (на французском языке) мы видим, что в первой карете не ехали церемониймейстерский помощник Голубцов и чиновник Азиатского департамента Яматов, как должно было быть согласно отпечатанному церемониалу. Благодаря двум освободившимся местам смогли разместить в каретах, не увеличивая их число, Морияма Такитиро: и Футибэ Токудзо:. Таким образом, можно утверждать, что церемониал встречи посольства на пристани Невы, который хранится во всех делах посольства в архивах АВПРИ, РГИА, РГА ВМФ, был изменен незадолго до прибытия делегации в столицу. Времени на перепечатку уже не было. Произшедшие изменения нашли отражение только в газетных публикациях³⁴. Поэтому церемониал встречи посольства в Санкт-Петербурге, хранящийся в архивах в отпечатанном виде, в части рассадки японских гостей по каретам не является, по всей видимости, верным.

Изменение численного состава свиты посланников стало одной из основных причин изменения церемониала приемной аудиенции в Зимнем

³³ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Л. 81 а.

³⁴ Андрей Накорчевский указывает точно такую же рассадку японских гостей по каретам, ссылаясь на «Санкт-Петербургские ведомости» от 27 июля 1862 г.; «Северную пчелу» от 27 июля 1862 г. и «Сына Отечества» от 27 июля 1862 г. – Накорчевский А. *Андрей · Накол Чёфускёр*. Бункю: кэнъо: сисэцудан Россия хо:монки. 2. Нихонси сэцудан, Россия-ни то: тяку (文久遣欧使節団ロシア訪問記 2 / 日本使節団、ロシアに到着 = Хроники визита посольства годов Бункю: в Россию. 2. Японское посольство, прибытие в Россию) // Мита хё:рон 三田評論. Токио, 2005. 3. № 1077. С. 54–55.

дворце. Помимо того, постоянно вносились изменения и уточнения в текст церемониала. 25 июля Адлерберг торопит с напечатанием текста, давая письменное указание с пометкой «срочно»: «Если церемониал о приеме Его Величеством еще не напечатан, то прикажите скорее его напечатать; если же уже напечатан, то ... завтра же разослать»³⁵. Уточняют список членов посольства, написание русскими буквами японских фамилий и имен. Вначале берется за основу список, присланный Гошкевичем: «Список сей получен в недавнее время, от Консула нашего в Хакодате и может почитаться верным»³⁶. Но через некоторое время из Германии получили уточненный «список лиц Японского Посольства, составленный по сведениям, полученным из Берлина от Барона Остен-Сакена»³⁷. В него были внесены две новые фамилии членов посольства, которые присоединились в Лондоне. Следует отметить, что японские имена и фамилии в списке Остен-Сакена более точно передают произношение и близки к общепринятой в настоящее время системе Поливанова. Так, в списке барона Остен-Сакена Фукудзава Юкити записан как *Фукузава Юкици*, а в списке консула Гошкевича – *Ф'кузава Укици*³⁸. Учитывая произошедшие изменения в составе посольства и, может быть, больше полагаясь на лингвистическое чутье барона Остен-Сакена, чем Гошкевича, директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел граф Николай Павлович Игнатьев (1832–1908) 26 июля в 9 ч. 40 мин. из Александрии дает телеграмму церемониймейстеру Челищеву следующего содержания: «Должности и звания японцев в Церемониале аудиенции должны быть напечатаны по последнему верхнейшему списку, доставленному из Берлина. Завтра буду с первым пароходом»³⁹. 27 июля спешно рассылали во все службы и всем лицам, имеющим отношение к приему посольства, новый текст церемониала аудиенции в Зимнем дворце.

Этот вариант церемониала 29 июля успели опубликовать в «Санкт-Петербургских ведомостях» 29 июля за №164.

«Высочайше-утвержденный церемониал приемной аудиенции японскому посольству в Зимнем Дворце. – В назначенный для аудиенции день, предводитель японского посольства, церемониймейстер высочайшего двора, в сопровождении церемониймейстерских помощников, отправится к посланникам, для приглашения их в Зимний Дворец.

У Запасного Дворца, назначенного для пребывания посольства, будут ожидать парадные золоченые кареты, с придворными лакеями, в парадной livree.

³⁵ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Л. 85.

³⁶ Там же. Л. 94 об.

³⁷ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Л. 96.

³⁸ Там же. Лл. 95–99 об.

³⁹ Там же. Л. 109.

По занятии посланниками со свитою мест в каретах, поезд отправится по Дворцовой Набережной, около Зимнего Дворца, и въезжает во двор одного к посольскому подъезду, в следующем порядке:

Четырехместная карета, запряженная в четыре лошади, в которой поедут: два церемониймейстерских помощника и два переводчика Азиатского департамента.

Четырехместная карета, запряженная в четыре лошади, в которой поедут: два доктора, Кавасаки-Доминъ и Такаси-Юке, и два переводчика, Мацки-Коонъ и Миц'кури-Шуя.

Четырехместная карета, запряженная в четыре лошади, в которой поедут четыре переводчика: Фукудзава-Юкицзи, Оота-Г'ень-Заб'роо, Тацзи-Косаку и Фукуцзи-Г'ень-Ицироо.

Четырехместная карета, запряженная в четыре лошади, в которой поедут четыре чиновника японского посольства: Ямада-Хацироо, Такамацзи-Хикосаб'роо, Сайто-Дайносинъ и Мори-Хацитароо.

Четырехместная карета, запряженная в четыре лошади, в которой поедут три чиновника японского посольства, Фиццинобе-Токузоо, Уэда-Юске и Масыдо-Сюдзиро.

Четырехместная карета, запряженная в четыре лошади, в которой поедут: два чиновника посольства, Оказаки-Тоодзаеомъ и Мидзусина-Ракутароо, и помощник прокурора Ф'куда-Сакутароо.

Четырехместная карета, запряженная в четыре лошади, в которой поедут: советник по финансовой части, Хидака-Кейзаб'роо, секретарь, Мори-Яма-Такицироо, и начальник свиты посольства Сибата-Садатароо.

Четырехместная карета, запряженная в шесть лошадей, в которой поедут: прокурор, Кен'гоку-Нотоно-Ками, младший посланник, Мацдаира-Ивамино-Ками, и правитель дел экспедиции церемониальных дел, Кудрявцев. У дверей кареты будет ехать конюшенный офицер, верхом.

Четырехместная карета, запряженная в шесть лошадей, в которой первое место займет старший посланник, Такеноуцзи-Симоцкено-Ками, а напротив его предводитель посольства, церемониймейстер, Шереметьев. У дверей кареты будет ехать конюшенный офицер, верхом.

Четыре придворные ездовые, верхом»⁴¹.

Однако Адлерберг 29 июля с пометкой «весьма нужное» пишет распоряжение: «В церемониал, если есть еще не напечатан, надобно непременно сделать следующие изменения:

1-е) Между лицами, которым положено находиться в Тронной по левую сторону Государя, поместить Командующего Императорскою

Главной Квартирою и, оставив попечителя Наследника, исключить состоящих при Его Высочестве.

2-е) За флигель-адъютантами сих состоящих при Наследнике [поместить] лиц и адъютантов Великого Князя Николая Николаевича.

Если уже напечатан, то нечего делать, оставить как есть»⁴².

В докладной записке на имя Адлерберга от 30 июля отмечается, что в корректуре церемониала сделаны изменения: прибавлены в текст слово «Гофмейстерины», вместо слов «Его Императорского Высочества» будет напечатано «Их Императорских Высочеств», вместо «у трона» будет внесено «перед троном». В ранее напечатанный церемониал граф Адлерберг внес изменения. Во второй раз был отпечатан церемониал аудиенции посольства в Тронном зале Зимнего дворца на русском и французском языках в типографии С.-Петербургского журнала. 30 июля исправляющий обязанности обер-церемониймейстера Н. Челищев в докладной записке на имя Адлерберга сообщал, что внесены изменения с учетом поправок последнего. И в тот же день, 30 июля, Челищев в рапорте министру императорского двора пишет: «Имею честь представить при сем Вашему Сиятельству сорок экземпляров вновь перепечатанного Высочайше утвержденного церемониала приемной аудиенции Японскому Посольству в Зимнем Дворце»⁴³. 30 июля вновь перепечатанные с дополнениями французские и русские экземпляры церемониала приемной аудиенции были «...разосланы в конвертах с надписью со вложением вновь перепечатанного церемониала»⁴⁴ всем, кому были препровождены первые экземпляры церемониала»⁴⁴. «Для Их Величеств Государя Императора и Государыни Императрицы, Их Высочеств: Государя Наследника Цесаревича, Государя Великого Князя Николая Николаевича Старшего, Государынь Великих Княгинь – Александры Петровны, Марии Николаевны и Екатерины Михайловны и Герцога Георга Мекленбург Стрелицкого, восемь переплетенных книжечек с экземплярами Высочайше утвержденного церемониала приемной аудиенции Японскому Посольству в Зимнем Дворце»⁴⁵. Однако и после этого были внесены дополнения, которые не вошли в отпечатанный текст, следующего содержания. «По приходе Посольства в камеру отдохновения, ящик с письмом отнесется в комнату переодевания, где останется под караулом японских чиновников до конца угощения, после которого Посланники переоденутся в приготовленной камере и, взяв ящик с собою, отправятся на аудиенцию. В залу войдут все три Посланника, рядом за ними Начальник Свиты, неся письмо в ящике и имея сзади трех Ассистентов и Переводчика.

⁴² РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Л. 115.

⁴³ Там же. Л. 132.

⁴⁴ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Л. 133 об.

⁴⁵ Там же. Лл. 137–137 об.

⁴⁰ Японские имена и фамилии приводятся без изменений, как было напечатано в газете.

⁴¹ РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 378. Лл. 7–8, 18–22.

Первый Посланник, вынув письмо из ящичка, произнесет адрес и преподнесет письмо, вместе со списком посланных Государю Императору подарков от Тайкуна (сёгуна. – В.К.). По окончании аудиенции первый Посланник представит Государю Императору чиновников Посольства.

После удаления Посольства в Гербовую залу Посланники будут ожидать Вице-Канцлера, чтобы выразить благодарность за аудиенцию, передать список подарков от Тайкуна Вице-Канцлеру и испросить позволение поднести ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ подарки... от имени трех Посланников. Об этом последнем пункте они намерены спросить Вице-Канцлера при посещении 31 числа»⁴⁶.

В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) к этому рукописному тексту дополнительно есть еще несколько предложений. «Японский посланник приблизясь к Трону произнесет приветственную речь на Японском языке, которую первый Секретарь Японского Посольства Морияма Такициро прочтет по голландски, а состоящий при Японском Посольстве, чиновник Министерства Иностранных Дел, Надворный Советник Иессен – по русски. За сим Японский Посланник преподнесет Государю Императору письмо»⁴⁷.

30 июля Голубцов, секретарь экспедиции церемониймейстерских дел, просит плац-майора доложить коменданту Зимнего дворца, чтобы в день аудиенции был поставлен во дворце такой же караул, какой бывает «во время Высочайшего в оном пребывания, в Николаевском же зале караула назначать не следует»⁴⁸.

1 августа камер-фурьер Петров передал статс-дамам, камер-фрейлинам, гофмейстеринам, фрейлинам и придворным кавалерам, а также генерал-адъютантам, генерал-майорам свиты Его Величества и флигель-адъютантам повеление императора прибыть в Зимний дворец в 12 ч. 30 мин. и собраться в Александровском зале. Дамам предписывалось быть в русских платьях, а кавалерам в парадной форме⁴⁹. Кроме того, по высочайше утвержденному церемониалу на приемной аудиенции должны были присутствовать все генералы, а также гвардии штаб и обер-офицеры⁵⁰. В тот же день камер-фурьер Петров по повелению императора оповестил, что «кроме поименованных в разосланной от Высочайшего Двора 1-го Августа повестке Особ, должностствующих прибыть в Зимний Дворец, по случаю приемной аудиенции Японскому Посольству, съезжаться в оный также к 12 с половиною часам попо-

людни: Членам Государственного Совета, Сенаторам, Статс-Секретарям и обоим пола Особам, ко Двору приезд имеющим»⁵¹.

Согласно окончательному варианту церемониала состав посольства на аудиенцию к императору сократили до 11 человек: Такэноути Симоцукэ-но ками, Мацудайра Ивами-но ками, Кёгоку Ното-но ками, Сибата Садатаро:, Морияма Такитиро:, Хидака Кэйдзабуро:, Фукуда Сакутаро:, Мидзусина Ракутаро:, Уэда Юсукэ, Мори Хатитаро: и Такамацу Хикосабуро:⁵². По первоначальному проекту предполагалось, что все лица, кроме прислуги, будут присутствовать на приемной аудиенции. В Зимний дворец на аудиенцию поехало не 9, как первоначально предполагалось, а 7 карет для посланников и их свиты:

«1 карета
2 церемониймейстерских помощника
и 2 переводчика.

2 карета
2 чиновника японских
Мори Хатитароо,
Такамацу Хико Саб'роо.

3 карета
2 чиновника японских
Мидзусина Рокутароо,
Уэда Юске.

4 карета
Советник Хидака Кейзаб'роо,
пом. прокурора Ф'куда – Сакутароо.

5 карета
Начальник свиты Сибата – Садатароо
Секретарь Мори – Яма – Такициро.

6 карета
2 младших посланника
Мацудайро – Ивамино – Ками,
Кенгоку Нотоно – Ками
и Г'. Кудрявцев.

7 карета
Старший посланник
Такэноути Симоцукэно Ками
и Г. Шереметев»⁵³.

⁴⁶ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Там же. Лл. 123–123 об.

⁴⁷ АВПРИ. СПб. Главный Архив I – 6. Оп. 5. Д. 1а. Л. 34.

⁴⁸ РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Л. 138.

⁴⁹ Там же. Лл. 140, 141.

⁵⁰ Там же. Л. 143.

⁵¹ Там же. Л. 147.

⁵² Там же. Лл. 125–125 об.

⁵³ Там же. Лл. 125–125 об. Соколов А. Р. О приезде в Санкт-Петербург японского посольства в 1862 г. // Нитиро канкэй сирё-о мэгуро кокусай кэнкюкай 2006 (日露関係史料をめぐ

Сибата, начальник свиты посольства, принес в зал аудиенции ящик с грамотой, поднесенной Его Величеству Императору. *«Затпечатанный в бумаге ящик и обернутый куском шелковой материи»* был оставлен 2 августа в Зимнем дворце. Принял на хранение его барон Остен-Сакен⁵⁴.

По распоряжению графа Адлерберга от 31 июля во время аудиенции в Зимнем дворце городские дамы, имеющие приезд ко Двору, по специальному пропуску получили доступ на хоры Георгиевского зала, где император принимал японское посольство⁵⁵, а также на хоры всех залов, *«где пройдет посольство, кроме Николаевского, где оно будет угощено... Равно можно допустить и народ обоого пола, в приличном одеянии, в сени парадной лестницы»*⁵⁶ дворца. Для этого случая были специально отпечатаны билеты для входа в коридор Иорданского подъезда, на хоры Георгиевского зала, на хоры Гербового зала, на хоры Фельдмаршальского зала (пропуск осуществляли через Комендантский подъезд)⁵⁷. Соответственно заведующему Зимним дворцом генерал-майору Кубе были препровождены образцы билетов для пропуска на хоры указанных залов и в сени парадной лестницы 2 августа, в день приемной аудиенции японскому посольству⁵⁸. Придворная контора Министерства императорского двора 1 августа дало распоряжение дежурному камер-фурьеру допустить художника Тима в Зимний дворец во время приемной аудиенции японскому посольству⁵⁹.

Прощальную аудиенцию японскому посольству назначили на воскресенье 2 сентября в Царском Селе. «Министр Императорского Двора спешает уведомить Его Сиятельство Графа [Строганова] Григория Александровича⁶⁰, что Японское Посольство будет иметь в Воскресенье, 2 сентября, в Царском Селе прощальную аудиенцию, приватную, без всяких других церемоний, кроме обыкновенных, и что вслед за тем оно уедет по Варшавской железной дороге»⁶¹. Граф Рибопьер просил Шереметева назначить одного переводчика из списка, определенного Министерством иностранных дел. 1 сентября Кудрявцев, представитель

Министерства императорского двора, просил придворную конюшенную контору подать 2 сентября к 10 часам утра к железнодорожной станции Царское Село две кареты для посланников и шесть для свиты и лиц, состоящих при японском посольстве, а также карету для исправляющего обязанности обер-церемониймейстера графа Рибопьера и четыре кареты и фургон для прислуги и вещей⁶². Кудрявцев просил «гоф-фурьерскую должность» приготовить во дворце помещения первому посланнику Такэути Симоцукэ-но ками, второму посланнику Мацудайра Ивами-но ками, третьему посланнику Кёгоку Ното-но ками, начальнику свиты Сибата Садатаро, секретарю Морияма Такитиро и 14 лицам свиты. К посольству были прикомандированы от Министерства императорского двора статский советник Татаринов и переводчик с голландского языка Иессен⁶³. Кудрявцев, правитель дел экспедиции, предупредил правление Царскосельской железной дороги, что японское посольство отправится 2 сентября в 10 часов утра. Он просил приготовить для него два вагона. В сообщении на французском языке говорится, что в воскресенье, 2 сентября, первый посол Такэноути Симоцукэ-но ками, второй посол Мацудайра Ивами-но ками, прокурор Кёгоку Ното-но ками и сопровождающие их лица имели честь получить аудиенцию у Их Императорских Величеств Императора и Императрицы⁶⁴.

Об этом же сообщала 5 сентября газета «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 193) в рубрике «Придворные известия»: «Воскресенье, 2-го сентября, японские послы: первый посол Такено-Узи Симозкено-Ками, второй посол Мацудайра Ивами-но-Ками и прокурор Кень-Йоку-Нотоно-Ками имели честь откланиваться в прощальной аудиенции в Царскосельском Дворце Их Величествам Государю Императору и Государыне Императрице и Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Наследнику Цесаревичу. Лица, состоящие при японском посольстве, также имели честь откланиваться Их Величествам и Его Императорскому Высочеству Великому Князю Наследнику Цесаревичу».

После прощальной аудиенции японское посольство начало готовиться к отъезду на поезде с Варшавского вокзала. Шереметев, предводитель посольства, был назначен для его сопровождения до прусской границы. Ему было *«ВЫСОЧАЙШЕ позволено...отправиться... после того, в чужие края на две недели»*⁶⁵.

«Санкт-Петербургские ведомости» от 6 сентября № 194 извещала: «Отъезд японского посольства. — “Journal de St.-Petersburg”, известив об отъезде из Санкт-Петербурга японского посольства, отзывается о членах его с большой похвалой, говоря, что они, во время пребывания

る国際研究集会 2006 = Международная конференция по архивным материалам, имеющим отношение к российско-японским связям. 2006 г.). Токио, 2006. С. 51. А. Р. Соколов также приводит 11 человек, приглашенных на аудиенцию со ссылкой на РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1129. Л. 6. В отпечатанный церемониал аудиенции в Зимнем дворце внесены правки рукой — РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 378. Лл. 9–10; Оп. 2. Д. 1129. Лл. 6–7. А. Накорчевский также приводит по фамилиям те же 11 человек, но в тексте статьи указывает 12 человек (Указ. соч., с. 58), а в другом месте пишет, что приглашенных на аудиенцию было 10 человек (Указ. соч., с. 57).

⁵⁴ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1129. Л. 18.

⁵⁵ Там же. Л. 9.

⁵⁶ Там же. Л. 10.

⁵⁷ Там же. Лл. 17б, 17в, 17г, 17д; РГИА. Ф. 469. Оп. 8. Д. 2173. Лл. 30–32.

⁵⁸ РГИА. Ф. 469. Оп. 8. Д. 2173. Л. 50.

⁵⁹ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1129. Л. 16; Оп. 8. Д. 2173. Л. 37.

⁶⁰ Годы жизни: 1824–1879.

⁶¹ РГИА. Ф. 477. Оп. 6. Д. 1202. Л. 9.

⁶² РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 326. Л. 175 об.

⁶³ Там же. Лл. 176–176 об.

⁶⁴ Там же. Л. 182.

⁶⁵ Там же. Л. 181.

своего в Петербурге, постоянно выказывали много такта, ума и учености, но кроме того отличались необыкновенной деликатностью, любезностью и учтивостью. Японское посольство пробыло в Петербурге больше месяца и, изучая нравы и достопримечательности нашей столицы, позволило и нам ознакомиться с обычаями, нравами и национальным характером страны, впервые отрядившей в Европу своих представителей. Члены японского посольства уехали из Санкт-Петербурга 4-го сентября». Редакция газеты ошиблась, сообщая, что миссия отправилась из столицы 4 сентября. На самом деле она уехала днем позже.

Японский труд в рыбной промышленности на Дальнем Востоке России

В. Г. Дацышен

Важнейшим вопросом в истории русско-японских отношений в конце XIX – первой половине XX вв. было постоянное и значительное присутствие японского труда в рыбопромышленности на Дальнем Востоке России. Японский труд на русских и японских рыбодобывающих и рыбообрабатывающих предприятиях был важным фактором экономического и политического развития Японии и востока России. История появления, развития и свертывания японского труда в рыбопромышленности на Дальнем Востоке в этой статье рассматривается в общем контексте истории русско-японских отношений.

Ключевые слова: российско-японские отношения, Дальний Восток России, рыбная промышленность, японские рабочие.

Важнейшими факторами истории русско-японских отношений в конце XIX – первой половине XX в. были японское рыболовство в российских пределах и присутствие японских рабочих рук на Дальнем Востоке России. В последние годы появилось немало работ по истории русско-японских отношений, в том числе и о японском присутствии на Востоке России. Однако вопросы японского труда в рыбопромышленности на русской территории по-прежнему исследованы недостаточно.

В числе первых японцев, поселившихся в России в 60–70-х гг. XIX в., были несколько человек, сбежавших из-за невыносимых условий труда с немецких промысловых судов в Охотском море. З. Ф. Моргун приводит примеры судеб Масаки, Кюдзо и Муто, оказавшихся во Владивостоке¹. По мнению японских исследователей, «первые контакты японских рыбаков с Дальним Востоком России датируются 1870 г. Считается, что в это время некоторые из них, проживавшие на Карафуто (нынешний Сахалин), предприняли первую попытку проникнуть на территорию теперешнего Приморья. Но деловые контакты начались гораздо позже. В 1881 г. Токийская торговая ассоциация начала здесь отлов кеты...»².

Вопрос о праве японцев на рыбную ловлю в русских пределах на Дальнем Востоке возник с первых дней русско-японского пограничного размежевания. А. Л. Анисимов отмечает: «Уже в 50-е гг. ряд российских

¹ Моргун З. Ф. Владивосток и японцы. Исторический очерк // Россия и АТР. 1993. №2.

² Судзуки А. К российским берегам. Советско-японские отношения в области рыболовства до 1945 г. // Россия и АТР. 1992. №2. С. 37.